

18+

СЕРГЕЙ МУРАШОВ

КЛАДОИСКАТЕЛЬ

Сергей Мурашов

Кладоискатель

«Издательские решения»

Мурашов С.

Кладоискатель / С. Мурашов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984674-7

Пётр теряет работу в торговой компании и по совету приятеля начинает заниматься кладоискательством, вернее — поиском с металлодетектором. На этом пути его ждут удачи и разочарования, опасности, победы и новые знания. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-984674-7

© Мурашов С.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кладоискатель

Сергей Мурашов

© Сергей Мурашов, 2020

ISBN 978-5-4498-4674-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

9 апреля 2009 года. Москва.

Блин, ну вот почему всё хорошее когда-то кончается? Причём, кончается быстро, и, что поганее всего, в самое неподходящее время!

Впрочем, расскажу по порядку. На прошлой неделе мы с Маришкой решили купить машину. Думали долго, и остановились на «Рено Логан». Нормальная, надёжная машина, и не очень дорогая. Мы прикинули, и получилось, что мы вполне потянем кредит на три года.

На следующий день я пошел в бухгалтерию, к Ирине Васильевне, за справкой о доходах. Ирина Васильевна как-то странно на меня посмотрела, и сказала, что у неё нет времени, и что лучше бы я зашел через неделю. Ну, я, как дурак, пообещал прийти через неделю, и вернулся на своё рабочее место.

Вообще-то, в последнее время работы у меня сильно поубавилось: из-за этого чёртова кризиса наша компания перестала отпускать товар в кредит, и покупателей стало заметно меньше. К тому же «Аскон» и «Веблайн» вообще разорились, а они были нашими постоянными клиентами... Но, всё равно, каждый день я ухитрялся продать на несколько тысяч долларов видеокарт, материнок и прочей ерунды для компьютеров... Конечно, это раза в два – три меньше, чем год назад, когда наторговать за день меньше, чем на десятку, считалось неудачей... Ну, год назад ни о каком кризисе мы ещё не подозревали, и прошлой весной, впервые за всё время, что я проработал в «Зикс», спрос на компьютерные комплектующие не только не упал, а даже вырос...

Но, увы. В этом году всё иначе. В начале марта Михаил Евгеньевич собрал нас всех, и сказал, что, начиная с прошлого ноября, доходы компании постоянно снижаются, и в феврале почти вся выручка ушла на выплату зарплаты сотрудникам и другие расходы. Ещё Михаил Евгеньевич сказал, что «Зикс» – компания коммерческая, и если она не будет приносить прибыль, то её придётся закрыть. Напоследок он попросил сотрудников отнестись к ситуации с пониманием, соблюдать режим экономии, и пообещал, что руководство постарается сохранить коллектив, чтобы наша компания была готова наращивать обороты, как только плохие времена закончатся.

Я, разумеется, и представить не мог, что работаю в «Зиксе» последние дни. Как дурак, приходил к десяти утра, уходил не раньше семи, – конечно, раз ко мне отнеслись по-человечески, разве я мог подвести руководство?

На выходных мы с Маришкой съездили на дачу к Грищукам. Серёжка с Аней отличные ребята, мы замечательно провели время, только в воскресенье голова с утра очень болела, пришлось пенталгину выпить. Аня рассказала, что у них в банке начались сокращения, но уволили только тех, кого взяли на работу недавно. У Серёги в налоговой вообще всё тихо. Так что, как говорится, ничто не предвещало...

И вот прихожу я сегодня на работу, только включил комп, – раз, подходит Татьяна, – наш офис-менеджер, страшная, как моя жизнь, и тихо так говорит мне:

– «Петя, зайди к Михаилу Евгеньевичу», – и смотрит на меня как-то загадочно.

Ну, у меня кофе стынет, и вообще, ломает меня к Евгеньичу идти, сил нет, но делать нечего, надо.

Захожу. У директора не кабинет, а свалка: полстола завалено всякими каталогами, справочниками, бумагами, в шкафах вдоль стен стоят разные книги, подводные фотографии, раковины, кораллы и прочая такая же хрень: Евгеньич занимается дайвингом.

Обычно зайдёшь к директору, и стоишь, ждёшь, пока он решит тебя заметить. Ну а там, если ты провинился в чём, то так и будешь стоять, пока он тебя отчитывает... А тут Евгеньич сразу встал из-за стола, подошел ко мне, и говорит:

– Извини, Пётр, дела пошли совсем плохо, и у нас не осталось другого выхода, кроме как уволить большую часть сотрудников. Как только всё наладится, я сам позову тебя обратно, а пока, извини, мне нужно, чтобы ты подписал вот это, – и подсовывает мне какую-то бумаженцию.

– Что за хрень? – спрашиваю.

– Заявление по собственному желанию, – отвечает директор.

– А зачем это мне?

– Затем, что, если ты его подпишешь, то прямо сейчас сможешь пойти в бухгалтерию, получить выходное пособие в размере трёх месячных окладов, и завтра на работу уже не выходить. А если не подпишешь, то я тебе выдам официальное уведомление о твоём увольнении по сокращению штатов, и ты будешь ещё целый месяц ходить на работу, а потом получишь два месячных оклада, и – привет. Но во втором случае мы вряд ли возьмём тебя назад. Работник ты хороший, но вот с трудовой дисциплиной у тебя не всё в порядке.

Ну, раз такое дело, – взял я заявление, да и подписал.

– Вот и хорошо. Спасибо тебе за понимание.

– Не за что. Как думаете, Михал Евгеньич, надолго это дерьмо?

– Надеюсь, нет. Я думаю, что уже к осени всё наладится.

– Ну и ладно, – сказал я, пожал протянутую директором ладонь, и отправился собирать своё барахлишко. На душе было погано, я просто покидал в пакет журналы и визитные карточки, убрал туда же Маришкину фотографию в купальнике, которая с прошлого лета красовалась у меня на столе, сунул в карман здоровенный екатерининский пятак, найденный Серёгой Грищуком где-то под Звенигородом, и, не сказав никому ни слова, навсегда ушел из конторы. Ещё одна глава в книге моей жизни закончилась.

12 апреля 2009 года, Москва.

– Нет, Петя, тут даже и говорить не о чём, тебя к нам не возьмут. Налоговая полиция – не ЖКХ, туда людей с улицы не берут, извини. Если б у тебя образование какое-нибудь профильное было, или там десять лет службы в армии за плечами...

– Блин, Серёг, может, из твоих друзей к кому-то можно устроиться? Понимаешь, я просто в шоке, я уже забыл, что значит быть без работы, и меня это просто убивает...

– Ну что ты, теперь же везде так, не увольняют – уже хорошо. А новые работники сейчас никому не нужны.

– Чёрт... Ну вот ничего на ум не идёт... Что делать...

– Петруха! Слушай, может, тебе клады поискать? Ты же говорил, денег у тебя немного есть, – купи себе металлодетектор, и – вперёд!

– Да? Что, неужели такое доходное дело? Чего тогда сам свою налоговую не бросишь?

– Это ж моё хобби, Петьк... И потом, на работе у меня перспективы... А тебе сейчас всё равно терять нечего...

– Хм... Может, и правда?

– Правда, правда. Я б тебе и Фишер свой продал, подешевле... Помнишь, как ты с ним в тот раз отлично управлялся? И с барыгами тебя сведу. Так чтоб голову не ломать, куда хабар девать...

– А как же ты? У тебя же другого металлоискателя нет?

– Да у меня всё равно времени нет. А ты ведь и в монетах разбираешься, так что долго въезжать не придётся... Ну, считаешь, конечно, я тебе ссылок дам, с инструментом разберёшься получше... На жизнь, я думаю, будет хватать. Ну а если повезёт, может, и клад большой найдёшь... Чем чёрт не шутит... Может, я ещё сам к тебе в помощники попрошусь...

– Ладно, уговорил... Почём Фишера-то отдашь?

– Почём... Ну, брал я его за двадцать восемь, но тогда доллар стоил ещё двадцать три... Давай за тридцать пять? А я тебе к нему ещё суперскую катушку дам, я её отдельно докупал... Идёт?

– Идёт. Только у меня с собой денег нет...

– Не беда. Завтра принесёшь?

– Ну.

– Тогда пошли, я тебе инструмент выдам.

Фишер стоял в кладовке, его хищно изогнутое тело, казалось, выжидало удобного случая, чтобы вонзиться в землю, и указать добычу – перстни с бриллиантами, золотые и платиновые

монеты, толстые золотые цепи, всё, что таилось в темноте и сырости, ожидая возможности вернуться на свет, чтобы снова дурить людям головы... Грищук ухватил его за изящную шею, прямо над коробочкой с дисплеем, где, очевидно, обитал разум прибора, и подал Петру.

– Вот, пользуйся. Не обижай его, и он оплатит тебе тем же.

12 апреля. Москва.

– Пи, ну какой же ты всё-таки дурачок... Я себе уже всю голову сломала, решила попробовать секретаршей куда-нибудь устроиться, а ты на последние деньги игрушку покупаешь... Когда же ты наконец повзрослеешь, а?

– Не, Мариш, ну я же для дела... Я же тебе говорю, Серёжка даст мне барыг, и мы станем им сдавать все находки... Так что работать тебе не придётся. Представь, станем с тобой бродить по полям, по лесам, всё время на чистом воздухе... Потом поедem в Крым, знаешь, сколько там всего находят? Представь, Судак: сколько там интересного можно найти... Там и римляне, по моему, были, и гунны, и татары... Там земля должна быть, как булочка с изюмом, подходи и выбирай... И потом, это не последние деньги...

– Ага, ага... А все будут смотреть, и за тебя радоваться, как ты из чужой булочки изюм выколупываешь... Нет, ну какой же ты у меня легкомысленный... И потом – по полям, по лесам ходить, конечно, кайф. А дождь? А ночевать где, в палатке? Это раз хорошо, два, ну – три, а потом романтика кончается, и начинается просто неустроенный быт... И потом, ты когда последний раз в руках лопату держал? Представляешь, сколько земли нам придётся перекапывать?

– Ну, ты, конечно, отчасти права. Но лишь отчасти. Евгений сказал, что к осени кризис закончится, и я вернусь на работу. Значит, мы с тобой говорим лишь о нескольких месяцах. Ну, не понравится, – бросим. Будем потом вспоминать, как какое-то приключение... Прикольно же, а? А вдруг мы с тобой найдём библиотеку Ивана Грозного? Или Янтарную комнату? Я тут по интернету полазил, ты просто не поверишь, сколько сейчас находят разных кладов!

– Кстати, ты за интернет-то заплатил? А то я только до пятнадцатого оплачивала... Ну, не вопрос, давай поиграем в «Остров сокровищ». Когда начнём?

– Да вот прям завтра и начнём. Я знаю одно место под Звенигородом, поедem туда на электричке, от станции ещё пешкодралом минут сорок, там есть такой холм интересный.. Поедем пораньше и до вечера покопаем. Палатку брать не будем, ночи ещё холодные, спать вернёмся домой. Как тебе план?

– Нормальный план. Возьмём котелок, доширака твоего любимого, бутербродов каких-нибудь...

– Да, и ещё моего любимого пива...

– Хм, не слишком тяжело тащить-то?

– Ну, в одну сторону как-нибудь дотащим, – Пётр соорудил смешную рожу, и девушка усмехнулась... Как знать, может он и прав, и эта перемена в их жизни принесёт им что-то хорошее?

13 апреля. Московская область. Звенигород.

До намеченного холма оставалось совсем немного. Снег в полях уже сошел везде, и виднелся лишь кое-где под деревьями. За несколько лет, что прошли с тех пор, как Пётр был тут последний раз, заметно прибавилось дачных домиков, да что там домиков, – дворцов... Высотой в два – три этажа, выстроенные из финского бревна или тёмно-коричневого кирпича, а то и облицованные натуральным камнем, они убедительно свидетельствовали о том, что жизнь россиян с каждым годом всё улучшается.

Пётр поправил на плече брезентовый пенал из-под байдарки, в который были упакованы Фишер и Фискарь – стальная лопата фирмы «Фискарь», – излюбленный инструмент копателей, и скривился: да, у кого-то жизнь улучшается... У него вот, например. Сидел бы сейчас в конторе, ломал глаза о семнадцатидюймовый экран... А теперь – его ждёт интересная работа на свежем воздухе, о которой другие лишь мечтают... И ещё его ждёт пара бутылок холодненького пивка... Что такое врезавшиеся в плечи ремни рюкзака и пенала, что – грязь, частенько чавкающая под ногами, если ты делаешь то, что хочешь?

Местные жители пока не попадались. Да и какие тут теперь местные жители? Те, кто населял когда-то здешние деревеньки, наверное, давным – давно переселились подальше от Москвы, выгодно продав свои наделы москвичам и примкнувшим к ним обеспеченным приезжим... Ну, это им казалось, что выгодно... А на самом деле, за последние лет восемь – десять земля в здешних местах подорожала раз в сто, и те, кто продал свои наделы в конце прошлого, или в самом начале нынешнего века, всего лишь год назад могли бы выручить за свою недвижимость совсем других денег...

Так что, теперь в здешних местах скорее встретишь Бентли или Лотус, чем коровку или козочку...

Пётр шагал по тропинке, постепенно нагоняя настырно убегающую вперёд тень. Солнце поднималось, начиная пригревать неприкрытый бейсболкой затылок, и тень, будто бы споря с законами природы, сжималась, хотя вокруг заметно теплело.

– Эй, кладоискатель! Далеко ли до Эльдорадо? – Маришка немного отстала, но, судя по голосу, ещё не слишком утомилась.

– Да нет, видишь, лесок впереди? Это даже и не лесок, так, деревья... Так вот прямо за ними будет наше место.

– Хорошо. А то я вспомнила, что у меня есть польские корни... И мне показалось, что мы подозрительно долго идём, незнамо куда...

– Ты это к чему? – не понял Пётр.

– Да так, вспомнила один известный случай, когда русский патриот завёл польских туристов в болото...

– Нет, я не Сусанин. Я – другой... Пётр хотел добавить ещё что-то, но ничего остроумного не придумал, и промолчал. Идти ему надоело, хотелось скинуть рюкзак, и повалиться на землю, выбрав место посуше... Будь он один, давно бы уж так и сделал...

– Вот, видишь холм впереди?

– Угу.

– Можешь начинать обдумывать меню.

– Блин, в нашем ресторане всегда огромный выбор всякой жрачки, но я вам посоветую кофе из термоса и бутерброды с сыром и докторской колбасой, они нашему шефу сегодня особенно удались.

– Фи... Ни за что. Только фуа-гра, белые трюфели и бокал новозеландской «Астролябии» урожая девяносто восьмого года...

– Какой ты, право... Ну, ладно, фуа-гра, так фуа-гра... Но вот я тебе, как друг, и, практически, родной человек, по-хорошему советую: не выкобенивайся, соглашайся на бутерброды. А то я их сейчас сама все съем. Тебе же будет хуже.

На холм поднялись быстро. Пётр сбросил на землю ненавистную ношу, и принялся распаковывать инструмент: извлёк из брезентового пенала длинный свёрток, и, присев на корточки, развернул его. Армейское шерстяное одеяло, в которое была завернута лопата и металлоискатель, свернул вчетверо и положил на полиуретановый коврик, и, не в силах дольше терпеть, ухватил Фишера. Припоминая читаную накануне инструкцию, включил прибор. Сейчас же раздался писк – блин, конечно, первая находка – своя собственная лопата, лежащая под ногами... Один раз он уже держал Фишера в руках, – в прошлом году Грищук зазвал его с собой, и дал немного походить с металлодетектором. Пётр даже сам лично нашел какую-то железную загогулину и алюминиевую пивную банку. Вообще, ничего стоящего они тогда так и не нашли, но какой-то навык остался: Пётр помнил, как «отсекать» железо, как «устанавливать баланс на грунт», и как по звуковому сигналу и показаниям на дисплее микрокомпьютера худо-бедно различать разные объекты.

Ладно. Пошел вперёд, проверяя землю перед собой, как минёр из фильма про войну... Прошел шагов двадцать... Пискнуло, и сразу умолкло...

– Пи, ты есть идёшь, или станешь свою фуа-гру дожидаться?

– Мариш, подожди минутку, тут что-то есть...

Ещё раз провёл над тем местом, где пискнуло... И вот, снова: Биип!

– Мариш, будь добра, лопату принеси?

– Вот она, наша женская доля... Кому-то – развлечение, а я – лопату таскай... Вот, держи. Или копать тоже мне?

– Ну что ты, любовь моя, как можно... Это слишком интеллектуальная работа...

Маришка фыркнула, а Пётр воткнул лопату в землю и выворотил солидный шмат жирного, лоснящегося влагой суглинка. Потом взял чуть в сторону, и выворотил ещё. Потом пошел вглубь...

Где-то на десятой лопате Маришка поинтересовалась, а как глубоко он собирается копать? Вопрос застал Петра врасплох: вообще-то он думал копать до тех пор, пока чего-нибудь не найдёт... Но – руки с непривычки уже немного устали, самое время отдохнуть, проверить, всё ли идёт по плану...

Он взял Фишера, и проверил яму.

Глухо.

Хм, странно... Может, он не там копал?

– А ты не мог эту штуку выкопать, и не заметить?

Блин, как это могло не прийти ему в голову?

Пётр взялся прощупывать выброшенный из ямы грунт, и скоро снова «бипнуло» – наверное, как раз там, куда он вывернул первую лопату земли. Ударил лопатой плашмя, кусок суглинка развалился на несколько частей, и в одном месте показался какой-то ржавый предмет... Пивная пробка.

– Ну, с первой находкой тебя, – Маришка нагнулась и подняла пробку, – теперь мы знаем, что эта штука работает. Всё, бросай лопату, пойдём завтракать!

Корейская лапша показалась Петру чудом кулинарного искусства. Потом ели бутерброды, запивая дымящимся кофе, смотрели на тёмную воду Москвы-реки и кирпичные стены монастыря, возвышавшиеся над лесом, а спины пригревало набирающее силу солнце. Петя вдруг почувствовал, как сильно ему хочется спать, зарыться в это серое колючее одеяло, и вздремнуть часок – другой...

– Что, в сон клонит?

– Угу. Признавайся, чего ты мне в кофе подмешала...

– Глупенький... Это у тебя кислородное отравление: привык в своей конторе к воздуху, от которого даже фикусы погибают... А здесь воздух такой, что его можно расфасовывать, и на рынок тащить... Вот твой организм и хочет попользоваться, а тебя – отключить на время, чтоб не мешал добро по полочкам ныкать... Ну ничего, сейчас кофеин всосётся... Куда он там всасывается-то... И ты сразу разгуляешься.

– Вот скажи, Мариш, откуда ты всё знаешь?

– Ну что, последний бутерброд доешь, или на обед оставить?

– Доем... Кофе плесни ещё...

Когда Пётр снова взялся за металлоискатель, сонливость, как и обещала Марина, уже прошла. Продолжив с того места, где он нашел пробку, Пётр дошел до конца намеченного участка, потом прошел обратно, взяв чуть правее, и, дойдя до конца, остановился передохнуть. Ничего. Голяк. Тухляк. В самом деле, с чего это он взял, что сюда стоило тащиться?

– Пи, дай мне попробовать?

– Конечно.

Марина взяла прибор, и почти сразу раздался писк. Пётр сходил за Фискарём и подошел к ней.

– Ну, где?

– Вот здесь... И здесь... И ещё здесь...

Марина провела прибором над землёй, поджав триггер точного поиска, как показал ей Пётр, и детектор подтвердил её слова противным для постороннего уха звуком.

Пётр начал копать. Он теперь не старался вывернуть побольше земли за один раз, а Марина сразу же проверяла выброшенный из ямы грунт. Уже в третьей порции суглинка оказались две монеты: десять копеек 1961 года и пятнашка 1963-го.

Когда Фишер замолчал, на земле лежали двенадцать монет, всё мелочь, начала шестидесятих годов.

– Ну вот, начало положено... Наверное, у тебя рука лёгкая...

– Да уж полегче, чем у тебя-то... Я ещё похожу, ладно?

– Да ходи, конечно... Ты как думаешь, кому понадобилось такой клад закапывать?

– Я думаю, что никто его и не закапывал. Просто лет сорок – сорок пять назад какой-то парень взял бутылочку пивка, да и пришел сюда, чтоб его с удовольствием выпить. Дело было летом, трава – по пояс... Парень выпил пива, прилёг в траву, раскинул руки за головой... Ну и не заметил, как это вот богатство выкатилось у него из кармана джинсов... Постой, были уже тогда джинсы-то?

– Джинсы? А пёс их знает... По-моему, джинсы были всегда...

– Или, может быть, всё было по-другому... Это были парень с девушкой. Припёрлись сюда полюбоваться закатом, или там учебник физики почитать... А тут между ними вдруг пробежала искра, и когда они потом принялись собирать разбросанные повсюду предметы одежды, кто-то и посеял эти монетки... А потом сорок с лишним лет здесь росла и превращалась в почву трава... Глубина-то была – в полпальца?

– Угу... Ладно, время-то идёт... Я так думаю, что пиво пить сюда не один раз приходили... А уж сколько народу тут перетрахалось, вообще не поддаётся расчёту...

– Уразумела. Прекращаю базар, продолжаю трудиться.

Марина подхватила Фишера, и пошла вперёд, «выкашивая» пространство перед собой.

Фишер ещё несколько раз заставлял Петра брать в руки лопату, и каждый раз из земли выбирались то ржавые пивные пробки, то какие-то непонятные, ни на что не похожие железки, реже – мелочёвка 30-х или 60-х годов... Ещё нашлись две насквозь ржавые гильзы, наверное, пистолетные, и какой-то странный нательный крестик... Крестик договорились сразу же выбросить, так как Марина сказала, что брать такие вещи – нехорошо.

Где-то в четвёртом часу решили закругляться. Весь холм был «выкошен», бутерброды съедены, пиво выпито... Единственным «неосвоенным» участком остался пятачок, занятый «лагерем кладоискателей», и Пётр собрал рюкзак, чехлы, одеяло полиуретановый коврик, термос и всё остальное, а Марина прослушала последние несколько квадратных метров...

Когда Фишер подал голос, Пётр уже почти что дочистил лопату. Делать нечего, придётся потом чистить снова...

Находка обнаружилась не сразу: небольшой почерневший предмет, не то кольцо, не то какой-то маленький замочек... Пётр потёр его пальцами, и, когда приставшие частицы земли отвалились, стало видно, что никакой это не замочек, а перстенёк белого металла, с крупным прозрачным камешком. Судя по тому, что металл почти весь потемнел, перстенёк был серебряным, а камешек – простой стекляшкой, значит, находка была такой же копеечной, как и всё остальное, но Пётр ещё долго тёр предмет о рукав, пытаясь разобрать надпись, чуть заметную под слоем чёрной патины... Потом, когда всё, что он мог счистить с перстня, было счищено, Пётр протянул его Марине, и она, покрутив его и так, и эдак, надела на безымянный палец левой руки. Перстенёк оказался как раз впору.

Обратный путь показался намного короче. Рюкзак стал легче, солнце снова грело спину, воздух прогрелся и руки уже не стыли на ветру. Пётр и Марина шли рядом, держась за руки, и говорили о том, куда они поедут завтра.

Пётр не знал, можно ли считать сегодняшнюю экспедицию удачной, со всей этой кучкой найденного хлама, которая, на его взгляд, не стоила совсем ничего... С другой стороны, неудачным их мероприятие тоже не было, так как теперь они точно знают, что металлоискатель работает... Опять же, – вон сколько добра нарыли...

Нет, для первого раза нормально, просто место неудачное попало...

13 апреля. Примерно девять часов вечера. Москва.

– Ну, что, Петруха, с боевым крещением? Давай, давай, хвастайся, чего у тебя там...

Пётр вытащил из кармана мятый пластиковый пакет, и высыпал его содержимое на стол. Все находки он помыл с мылом, где смог, потёр щёткой, и монеты теперь почти не отличались от тех, что можно было просто получить на сдачу в магазине.

– Ну что ж, для первого раза – шикарно. Что, в городе собирал?

– Да нет, в Звенигород таскались за каким-то лешим... Как ты думаешь, билеты-то хоть отобью?

– Честно? Не знаю. Сейчас возьмём каталог, посмотрим... Вообще, что-то маловато хлама... Ты что, не всё собирал?

– Конечно, нет. Всякие непонятные железки выбрасывали... Крестик ещё нашли, тоже не взяли...

– Иди ты? Петруха, иной крестик легко за триста баксов сдать можно! А «всякие непонятные железки» тоже нужно брать, так как, во-первых, никогда не знаешь, вдруг ещё раз на то же место доведётся вернуться, так чтобы по новой на этот хлам не отвлекаться, а во-вторых, это для тебя – непонятные железки, а для кого-то – очень даже понятные, которые они, может быть, всю жизнь коллекционируют... Ты не поверишь, чего только сейчас не собирают: и пуговицы всякие, и пломбы свинцовые, и старые пивные пробки... Есть чудачки, копоушки коллекционируют.

– Это ещё что за хрень?

– Да лопаточки такие, которыми в ушах ковырялись, пока ушные палочки не изобрели. Делали их из кости, дерева, металла... И простые совсем, и всячески изукрашенные... Вот и прикинь, этой ерунды чёрт-те какие коллекции собраны... А ещё есть всякие прикамбасы с военной формы, знаки различия, кокарды, нашивки, именные жетоны... В общем, собирай всё. Колен-вал от трактора, конечно, тащить с собой не нужно, а всё остальное – бери, может, и пристроится за какие-то деньги. Гильзы вот – тоже дело хорошее. Пару-то у тебя никто не возьмёт, а соберёшь десяток – другой, – глядишь, и найдётся покупатель...

Сергей Грищук достал из рабочего стола стопку замусоленных листков и начал отбирать нужные.

– Петь, не спи, разбери-ка их пока по годам.

Пётр начал раскладывать монеты рядами: гривенники – к гривенникам, пятиалтынные – к пятиалтынным, двугривенные – к двугривенным...

Грищук отобрал листки, и начал брать по одной монете и сверять с листками:

– Так... Эта – рублей двадцать... И эта... Эта – пятнадцать... Эта – двадцать пять... А это... Ну-ка, ну-ка, что это тут у нас... Петруха, присядь-ка... Вот эта – шесть тысяч!

– Ты не путаешь, Серёг? Обычный же пятнадцик... Вон, ты такой же в пятнашку оценил...

– Такой же, да не такой. На этом, видишь, нет буквы, обозначающей монетный двор... Таких было выпущено очень мало, так что это – настоящий махровый рарик...

– То-есть, ты хочешь сказать, что я смогу продать его за шесть штук?

– Теоретически, да. А практически, за эти деньги предмет возьмёт только коллекционер. Перекупщик, конечно, даст меньше, ему же и самому надо наварить... Ну, тысяч за пять-то, думаю, сдашь... Вот, возьми карточку, позвонишь, скажешь, что от меня. Так, поехали дальше...

Когда посчитали всё, вышло, что все остальные монеты, кроме раритетного пятиалтынного, потянули рублей на пятьсот.

– Ну вот, видишь? С первого раза – в яблочко. Лёгкая у тебя рука. Один день – и двести баксов в кармане...

– Да это не моя рука, это Маришкина добыча. Ну и потом – какие двести баксов, ты же говоришь, за эти деньги мне их не продать...

– Ну, почти двести баксов... Всё равно, это – удача. Завтра поедешь?

– Поедем. Есть у меня ещё одно местечко на примете...

– Ну, удачи... Позвони Стасу, он нормальный барыга, деньги всегда есть, и это ему отдашь, и завтрашнее... Только сначала, для верности, постарайся монеты сам оценить, а то если Стас просечёт, что ты не в теме, будет мухлевать.

– Серёг, а может, ну его, Стаса этого? Может у тебя ещё кто-нибудь найдётся, почестнее?

– Не дрейфь, Петруха. Стас – мужик нормальный, и, главное, денежный. Альтернатива – лезь на какой-нибудь нумизматический сайт, и ищи покупателей сам. Только тогда тебе копать будет уже некогда...

15 апреля. 19.12. Москва.

Пётр угрюмо пил пиво. С кухни пахло едой – Маришка соображала ужин. Рядом с бутылкой Хейнекена громоздилась трёхдневная добыча. Если не считать первого улова, – дело было дрянь. За два дня удалось найти лишь десяток советских монет, в основном, изрядно поеденную «медь», ещё пару гильз и металлических пуговиц. Правда, попёр хлам: набралось полпакета ржавых железок разных форм и размеров, какие-то гнутые пряжки, крючки и вовсе непонятная трехмудия. Нужно было звонить барыге – Стасу, но Пётр никак не мог решиться, он и хотел этого разговора, и боялся его, и хотел верить, что Стас заберёт все находки, и даст за них хорошую цену, и боялся, что Стас поднимет его на смех, боялся ещё одного поражения.

Он всё-таки позвонил Стасу, и договорился о встрече. Потом, наскоро поужинав, собрал хабар, и потопал к метро.

=====

– Ну, я могу дать тебе за весь этот хлам три тысячи.

– Как три? Только эта вот одна пятнашка стоит вдвое больше...

– Послушайте, молодой человек... Каждая вещь стоит ровно столько, за сколько её можно продать. По-вашему, эта монета стоит шесть тысяч? Хорошо. Пойдите и найдите того, кто даст вам за неё эти деньги. Найдёте – сможете сказать, что эта монета чего-то стоит. А до тех пор это – просто кусок металла, никому не нужная хрень, мусор. Я вам готов прямо сейчас выложить живые деньги. И это – хорошая цена. Другие не дали бы и этого.

Я не скрываю, мне это дерьмо не нужно, я его покупаю, чтобы продать дороже. Это – моя работа. И работа не простая, так как найти хорошего покупателя на такой товар нынче не легко. Но я готов пойти на риск и заплатить вам живыми деньгами, а потом ждать, может быть, несколько месяцев, чтобы наварить. Хотите – можете сами попробовать: поездите по клубам, походите по сайтам... До осени всё распродадите, сто пудов. Но между нами есть существенная разница: вы, похоже, нуждаетесь в деньгах прямо сейчас, а у меня их полно.

Ну, решайте, берёте три тысячи? Пожалуй, я даже набавлю вам пятьсот рублей для первого раза.

– Давайте деньги.

– Ну вот и славно. Кстати, за сколько дней вы всё это подняли?

– За три.

– Да... Что, не слишком удачно?

– Нормально.

– Ну, как знаете. А то я хотел вам немного помочь, на правах, так сказать, старшего товарища.

– Как это?

– Да как обычно. Вы же, как я вижу, просто так в поле пошли, без подготовки?

– Ну да.

– Вот. Тогда можно считать, что вам ещё очень повезло, так как обычно такой коп не окупает стоимости выпитого на нём пива... Давайте вот что... Есть у меня на примете одно местечко, там и чешуи наберёте, и империи... Если уж вы на пустыре смогли денег заработать, то на месте старой ярмарки – и подавно... Только давайте сразу договоримся, об этом месте – никому. И, конечно, всё что найдёте – продаёте мне. Договорились?

– Договорились. А как вы узнаете, если я обману?

– Ну, вы же не со стороны пришли, Серёжу Грищука я знаю, раз он посоветовал ко мне обратиться, значит, вам можно доверять. И потом, наш мир гораздо меньше, чем кажется на первый взгляд. Так что никогда не знаешь, с кем может свести жизнь... А я – человек известный, в нашем кругу меня многие знают... И уважают. Так что я не советовал бы вам меня обманывать: выиграете на копейку, а потеряете на рубль.

– Ну, не вопрос, обманывать я вас не собирался.

– Тогда пишите свой адресок, доберусь до компа – скину вам карту и инструкции. Вот вам ваши денежки...

Пётр записал на карточке свой адрес, убрал в карман деньги и вышел на улицу.

17 апреля. Утро. Московская область.

Фишер снова запищал. Два предыдущих сигнала обогатили кладоискателей на ржавый обломок грабель и ещё более ржавый длинный кованный гвоздь. Оба раза находки обнаружались на глубине в штык – полтора, на пределе чувствительности прибора.

Пётр отложил металлодетектор и сходил за лопатой: Маришка решила обойти окрестности, и её оранжевая куртка виднелась на опушке леса, километрах в полутора. Надел перчатки, вытащив их из заднего кармана штанов, и вогнал лопату в песчаный грунт. Лопата ткнулась во что-то, и Пётр скорее почувствовал, чем услышал, как металл клацнул о металл. На дне ямы оказалась здоровенная монета, по виду – пятак. Пётр взял монету в руки – действительно, отличный екатерининский пятак, без солевых наростов или «малахита», просто-таки музейный экспонат, если бы не уродливый след лопаты, перечеркнувший почти посередине вензель императрицы.

Положив находку в карман и глянув в ту сторону поля, откуда должна была появиться Маришка, Пётр стал засыпать ямку, и вдруг увидел в рыхлой земле ещё один пятак... Этот был более потёрт, чем первый, но зато на нём не было царапин от лопаты.

Снова Фишер подал голос, и снова из земли вышли две монеты – ещё один пятак и двушка.

– Ну что, можно поздравить? – Марина подошла, пока Пётр заравнивал ямку, – ещё гвоздиков нарыл?

– Вот, смотри, – он вынул из кармана четыре монеты.

– Ух ты... Здорово! Какие здоровые... Это чьи?

– Екатерины. Три пятак и двушка. Представь, рядом лежали... Это сколько же тут всего можно нарыть, если на таком клочке четыре монеты лежали...

– Петь, не хочу тебя расстраивать, но мы тут далеко не первые: всё поле изрыто. Может, в прошлом году копали, может – в позапрошлом... И вот там, в лесу, свалено несколько куч ржавого мусора. Словно кто-то тачками вывозил.

– Ну, значит, не первые. Ничего, и мы чего-то да накопим, тут же не через сито сеяли... Знаешь, как с грибами: пройдут через одну поляну десять человек – и каждый чего-нибудь найдёт. Видишь, какое начало хорошее?

– Да я же не спорю, Пи. Давай найдём побольше, я только за.

– Угу. Кстати, не хочешь сама пофишерить? А я покопаю, как жертва фиминизма...

– Ух ты моя жертва... Пивка не хочешь?

– Никогда не откажусь...

– Тащи тогда.

Пётр пошел за пивом, а Марина направилась вниз, к реке, где шагах в пятидесяти лежало поваленное дерево, по виду – ольха, на ствол которой можно было сравнительно комфортно присесть.

Марина устроилась на тёплом от весеннего солнца стволе, и осмотрелась... По ту сторону реки, на высоком берегу, виднелась почерневшая от времени деревенька. Так далеко от Москвы, судя по всему, ареал распространения коттеджей ещё не продвинулся... Не похоже, чтобы вообще тут кто-то мог жить... Хотя... Вон, над трубой поднимается дымок... И вон ещё...

– Тебе какого, тёмного?

– Тёмного, ты же знаешь.

Пётр сел рядом с Мариной и отхлебнул пива... Нет, всё-таки, что Бог не делает, всё – к лучшему...

Медные монеты Российской Империи XVIII – XX века.

Серебряные и медные монеты Российской Империи XVIII – XIX века.

=====

За окном электрички темнело. Нос щекотали Маришкины волосы, но Пётр терпел, стараясь не шевелиться, чтобы не разбудить её.

Марина оказалась права – поле основательно перекопали до них. Наверное, когда-то это было очень хорошее место, и, очень может быть, кто-то поднял отсюда кучу монет. Может быть, что кто-то другой, пройдя завтра по их следам, тоже найдёт сколько-то монет... Но они сегодня потратили целый день, а нашли всего семь медяков – к утренним находкам добавилась ещё одна убитая копейка и две поросшие окислами двушки...

Пётр не знал, стоило ли завтра сюда возвращаться? Или попросить у Стаса другое место?

Вообще, пора уже самому попробовать разобраться, где стоит искать, а где – нет... Почитать историю, посмотреть карты... Вот там, где они были сегодня, по словам Стаса, была когда-то ярмарка... Наверняка где-то должна быть карта старых ярмарок... Старых деревень... В общем, нужно лучше готовиться... Готовиться... Мысль вдруг стала тяжелой и изворотливой, как живой сом, которого как-то купила на потеху Пете его мать... Сом жил несколько дней в ванне, и Петя несколько раз пытался его поймать, а сом каждый раз выскользывал из рук, плюхаясь обратно в ванну... Потом сома убили и съели...

Сознание окончательно погрузилось во тьму, и Пётр уснул.

19 апреля 2009. 13.45. Московская область.

Пётр снова заравнивал очередную яму. На дне ямы остался маленький странный крестик. Пётр передал Марине слова Стаса о том, что кресты – такой же товар, как и всё остальное, но у неё обо всём было своё мнение, и о крестах – тоже. Крест, по мнению Марины, был личной вещью – такой, которая должна принадлежать только одному хозяину. Когда хозяин умирал, его личные вещи продолжали нести часть его личности, и пользоваться такими вещами могли только близкие люди покойного, иначе чужие вещи могли причинить вред...

Павел понимал всю абсурдность таких предрассудков, но предпочитал с ними не спорить, так как прекрасно понимал, что переубедить Марину ему не удастся, а к чему затевать спор, если заранее знаешь, что ничего хорошего не выйдет...

И теперь, когда Маришка аккуратно положила на дно ямы найденный крестик, Пётр ничего не сказал. Только глянул на серебряный перстенёк, который Маришка носила с того первого копа, когда они нашли его на холме под Звенигородом. Какая разница, кольцо или крест? И то, и другое – личные вещи...

Засыпав ямку, Пётр пошел следом за Мариной, которая уже подходила к лесу, поводя прибором вправо – влево перед собой. Находок и сегодня было немного, но они с Маришкой решили «добить» это поле, чтобы больше сюда не возвращаться.

– Ну что, передохнём чуть-чуть, и пойдём обратно? – Маришка положила металлодетектор на траву и по-кошачьи потянулась.

– Угу. Ловить тут, видно, нечего, – сказал Пётр, глядя на остатки огромного пня, торчащие из земли на краю леса. Когда-то здесь рос здоровенный дуб, а теперь медленно догнивали его мощные корни. От ствола не было видно ни следа – наверное, его давным-давно попилили на дрова, а через несколько лет и от пня ничего не останется. Пётр представил себе этот дуб, каким он должен был быть лет двести – триста назад, и в голову пришла мысль, вернее, чувство, что кто-то, давным-давно, смотрел на это дерево как на подходящее место для того, чтобы закопать здесь свои денежки...

– Хотя подожди... – Пётр поднял прибор и подошел к останкам дуба. Вблизи пень оказался ещё внушительнее – полтора обхвата, не меньше...

Пётр включил Фишера и пошел вокруг пня, то приближая катушку к дереву, то отдаляя... Со стороны поля Фишер молчал, и Пётр подумал было, что чувство подвело его, но тот вдруг пискнул прямо возле большого корня... Пётр попробовал с другой стороны корня, и прибор радостно заверещал. Ну конечно же, тот, кто что-то закопал здесь, зашел со стороны леса, чтобы с поля не было видно, что он делает...

– Ну что, копать будешь? – Марина подала лопату.

Пётр начал копать, земля не поддавалась, слежавшаяся в камень, уплотнённая разросшимися корнями. Сталь то и дело ударяла о мелкий камень, и Пётр не столько копал, сколько рубил, словно ломом, и выгребал разрыхлённый грунт. Минут через десять яма была уже сантиметров десять в глубину, ещё через двадцать – вдвое глубже... Под ударом лопаты что-то сухо хрустнуло – наверное, очередной камень...

Пётр снова начал выгребать из ямы грунт, как вдруг среди измельчённой земли он увидел что-то постороннее... Отложил лопату и нагнулся над ямой... Аккуратно взял один маленький, не больше ногтя, кусочек металла, за ним ещё один, и ещё...

– Ну что, нашел?

– Наверное, нашел. Осталось только понять, что я нашел...

Пётр протёр одну из находок двумя пальцами правой руки, и, перехватив её поудобнее, начал разглядывать.

С одной стороны был изображен всадник на коне, сжимающий в руке чуть изогнутую саблю, а с другой можно было рассмотреть несколько рядов букв...

– Что это такое?

– Чешуя.

– В смысле?

– Ну... Это такие древние русские деньги. Допетровские. Делали из серебра проволоку, резали на одинаковые кусочки, плющили, а потом штампами выбивали изображение...

– Дай посмотреть...

Пётр отдал все три. На двух других был изображен всадник с копьём, – серебряные копейки.

– Да... Видно, и раньше не заморачивались наши предки качеством... Что вышло – то вышло... Изображения кривые, надписи на сторону съехали... Стоят хоть чего-нибудь?

– Чего-нибудь стоят. Скорее всего, не много, я слышал, простая чешуя рублей от двадцати до пятидесяти стоит...

– Понятно. Ну, хоть сколько... Пойдём, или ещё покопаешь?

– Покопаю. Какие-то они слишком чистые, не похоже, чтоб в земле лежали...

Пётр опустился на колени и стал руками выгребать из ямы рыхлую землю. Так он нашел ещё несколько чешуек. Кроме кусочков серебра, Пётр заметил несколько мелких осколков керамики – остатков какого-то горшка или бутылки... Отгрёб последнюю землю от корня – и поразился, что надел тканевые перчатки, иначе обязательно обрезался бы: из земли торчали острые осколки...

– Мариш, смотри-ка...

– Что это?

– Наверное, кубышка... Подай-ка мне ножик...

Взяв нож, Пётр начал отковыривать грунт вокруг горшка, понемногу высвобождая его... Минут через двадцать, подковырнув кубышку снизу, Пётр отделил её от земли, и взял в руки...

– Вау... Вот это и есть кубышка?

– Она самая... Сейчас посмотрим, что там внутри...

Можно было подстелить что-то на землю, но Пётр не мог больше ждать, и просто перевернул горшочек вверх дном. Сначала высыпалась земля, набившаяся в разбитую кубышку, а потом зашелестел поток маленьких серебряных монет... Когда из горшочка выпала последняя, она упала на вершину кучки размером с кулак.

– Нифигасе... Это ж настоящий клад!

Пётр взял в руки несколько монет, и стал их рассматривать. Одна показалась странной: крупнее остальных, с одной стороны был всадник с саблей на отлёте и фрагментом надписи по кругу: «ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ», а с другой – можно было с усилием разобрать слова: «ОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ». Пётр таких ещё не видел.

По правде говоря, он и обычных чешуек видел немного, а в руках держал и того меньше, но теперь, похоже, будет по-другому...

Он посмотрел ещё несколько монет, и ему почудилось «ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИВАН». Именно почудилось, так как разобрать надпись было невозможно: слова шли подряд, без пробелов, переносились на следующую строку, как Бог на душу положит, и при этом некоторые буквы были Петру незнакомы... То-есть, латинские буквы «S» и «I» он, конечно, знал, но не ожидал увидеть на русской монете, ять он тоже знал, но без привычки видеть твёрдый знак в необычных местах было достаточно чудно, буква «Ц» писалась как «Ч», а ещё была буква, которую Пётр определил как «Я», но похожа она была на две склеившиеся вместе «А».

Насмотревшись, Пётр протянул Марине «странную монету»:

– Смотри-ка, что написано...

Марина взяла чешуйку, и прочла:

– Василий Иванович... Это что, Чапаев, что ли?

– Двоечница... Наверное, это папаша Ивана Грозного. Грозный же был Иван Васильевич, помнишь?

– Сам ты двоечник, а у меня по истории твёрдая четвёрка была. Просто забыла уже всё.

– А я, честно говоря, и не знал никогда, кто там у нас был до Грозного. Понятно, что кто-то был, так как Грозный – уже Иван четвёртый... Значит, до него было, как минимум, три Ивана. И ещё минимум один Василий...

– Ну, я и говорю, – двоечник. А помнишь, был ещё Владимир – Красно Солнышко? И Ярослав – Мудрый?

– Ладно, убедила, ты у нас корифей исторических наук. Давай добьём поле, и ты мне в электричке проведёшь ликбез по истории государства российского. Договорились?

– Договорились. Только я тебе весь ликбез прямо сейчас могу провести. Когда-то давно на Руси были князья Владимир и Ярослав. Вот только кто из них был раньше, а кто позже, я немного забыла.

А ещё была Ярославна, и она чего-то всё время плакала. По-моему, у неё мужа немцы забрали. Или татары... Наверное, она была дочкой Ярослава, а Ярославна – это отчество... Вроде как Сергеевна, или Петровна... Или это имя... Сейчас – Ярослава, а тогда, может быть, Ярославна...

– Ну, вот что, корифей, посмотри-ка пока землю, что я из ямы вырыл, может, пропустил чего... А я тем временем добро соберу.

– Ну вот, всегда так, опять сам чистую работу захапал, а мне снова пыль глотать... Всё-таки бесстыжий вы народ, мужики...

– Ладно, ладно, просто ты у меня аккуратная, ничего не пропустишь, а я у тебя распиздяй... Тебе можно доверить ответственную работу, а мне – чего попроще, чтоб мозг особенно не напрягать.

Марина усмехнулась и взяла прибор, а Пётр принялся укладывать чешуйки в специальную пластмассовую коробку.

Марина нашла ещё две копейки – чешуйки, незамеченные мужем, положила их в наполовину заполненную коробку и нахлобучила крышку.

Русские серебряные монеты XVI – XVII веков.

Русские серебряные монеты XVI – XVII веков.

=====

Пётр держал в руках медную двушку, и боролся с желанием надраить её до блеска... Большинство медяков были вполне приличными, так что достаточно было просто помыть их с мылом, слегка потерев мягкой мочалкой, но вот эти два после лёгкого умывания остались такими же неприглядными, какими были прежде. Пётр прекрасно знал, что монета ценится выше, если на ней не нарушена патина, но какая тут может быть патина, если обе двушки выглядят так, словно они обросли кораллами... Нет, с этим надо что-то делать, решил Пётр, и, открыв шкаф с посудой, достал небольшую алюминиевую сковородку. Налил в неё немного горячей воды из-под крана, развёл в воде столовую ложку моющего средства, положил в полученный раствор монеты, и поставил сковороду на плиту. Всё, теперь, пока это всё не закипит, можно подготовить инструментарий...

Пётр достал из-под мойки жесткую мочалку, которой удобно оттирать пригоревшие кастрюли и сковородки, сходил в прихожую за хирургическим скальпелем, который хранился в ящике для инструментов, принёс большое увеличительное стекло, которым пользовался ещё его дед, разглядывая свою коллекцию почтовых марок... Что ещё? Старая зубная щётка, которая для какой-то надобности хранится в коробке со всяким шмурдяком...

Вот, теперь он во всеоружии. Зацепив одну из двушек вилок, Пётр выложил её на деревянную разделочную доску, и начал тереть щёткой... Судя по доске, монета начала очищаться: на древесине вокруг двушки появился тёмный ореол... Судя же по самой монете, особого толку от такой чистки не было: покрывавшие медь наросты, казалось, нисколько не пострадали...

Потерев двушку минут десять, приведя щётку в негодность и изгваздав разделочную доску грязью, Пётр взялся за мочалку. Теперь работа пошла веселее: минут через пять улучшения уже были заметны невооруженным глазом... Потратив на первую монету ещё минут

двадцать, Пётр сполоснул её под струёй воды из-под крана, и покрутил перед глазами, любуясь результатом: от уродливых наростов не осталось и следа. Правда, ни о какой патине теперь тоже не могло быть и речи: вся монета была красивого красновато-оранжевого медного цвета...

Ну, ничего, – решил Пётр, и принялся за вторую монету.

20 апреля, 19.15, Москва.

Стас, как и в прошлый раз, уже сидел за столиком маленького кафе при автосервисе, и, как и в прошлый раз, других посетителей в кафе не было.

– Добрый вечер.

– Здравствуйте. Как успехи?

– Да есть кое-что., – и Пётр поставил перед Станиславом три коробки.

– С чего начнём?

– Да с чего хотите. В этой коробке – чешуя, в этой – монеты, а в этой – разный хлам.

Стас открыл коробку с чешуёй.

– Прилично... Сколько здесь?

– Тысяча сто шестнадцать штук.

– Клад?

– Кубышка.

– А сама кубышка цела?

– Я ей верхушку лопатой срубил, а так – цела.

– Хорошо. С кубышкой будет дороже.

– Только я пока продавать чешую не буду. Хочу определить её сам, разобраться, что к чему.

– А как же наш договор?

– А что наш договор? Мы договорились, что все находки с этого места я не продаю никому другому, кроме вас. Ну я никому другому и не собираюсь продавать. Надумаю продать – продам вам. А пока кладик просто у меня постоит. По-моему, всё честно.

– Ну, как знаете, – Стас достал несколько чешуек, посмотрел их, – Иван Грозный, рядовые копейки. Сохран приличный, возможно, клад первых лет правления. Как нашли?

– Под деревом. Там на краю поля дуб рос, вот под корнями и нашел.

– Дуб, говорите? Странно... Что же до вас-то никто под дубом не посмотрел...

– А вы многим уже это место давали?

– Хм... А вы думаете, что кроме меня никто старые карты не догадывается смотреть?

– Да дуба-то там давно уж нет. Пень только и остался.

– Аааа... Ну тогда ладно. Хотя, всё равно, странно... Ну, что ж, это ещё раз говорит за то, что вы человек удачливый... Или, по-нашему, фартовый...

– А я думал, что фартовый – это по фене...

– Ладно, вернёмся к нашим баранам, – Стас отодвинул от себя коробку с чешуёй и открыл другую, с более поздними монетами.

– Тээкс... Отличный пяточок... Эх, жаль, не такой уж и отличный, с таким-то шрамом... А вот этот – очень даже ничего... И вот этот... А вот эти два немного похуже... Эх, батенька, а вот эту двушечку вы изувечили... Ишь, блестит, как у котика яйца... И вот эту тоже... Своими собственными руками стёрли с них рублей по двести навару...

Стас пересмотрел всё, делая пометки в большом чёрном ежедневнике.

– Ну что... Хорошо потрудились. Даю шесть тысяч.

– А что же третья коробка?

– А там есть что-нибудь стоящее? Кресты, иконки, печати, перстни?

– Неа. Пряжки, пуговицы, какие-то обломки...

– Ну, тогда могу накинуть ещё рублей сто, чтоб вам назад коробку не тащить. Кризис, сейчас за барахло денег почти не дают.

Стас высыпал содержимое коробки в пластиковый пакет, потом аккуратно убрал в сумку монеты из второй коробки.

– Ну, может, всё-таки, и чешую отдадите? Цены сейчас падают, через неделю уже может не быть сегодняшних цен... А у меня как раз есть оптовый покупатель... Можно продать с хорошей выгодой...

– Да нет, спасибо. Посижу, посмотрю литературу... А там посмотрим.

– Ну, смотрите, смотрите, – Стас улыбнулся, прищурившись, – мне спешить некуда...

– Стас...

– Что?

– Мы это место доби́ли, не дадите ли ещё чего-нибудь? Хорошо бы не такое перерытое...

– Что-то вы быстро... Ну да ничего, на ваш век у меня кладов хватит. Сегодня не успею, а завтра скину вам координаты нового места.

– Спасибо.

– Спасибо – за мою помощь очень много... Найдите ещё кладик, да принесите мне – вот это будет в самый раз.

Пётр попрощался и вышел.

Часть вторая

20 апреля 1348 год. Село Красное, близ Коломны.

Писаны строки сии по благословиению Аллаха в семьсот сорок восьмом году от пришествия в Медину пророка Мухаммеда, да святится вечно имя его. Воистину нет Бога, кроме Аллаха, и всё, что происходит на свете, происходит с благословения Господнего, как бы труден ни был для человеческого ума Божественный промысел. Нарождаются и погибают люди и целые народы, поднимаются к небу и обращаются в пыль славные города и великие империи, – на всё воля Божья.

Мы, люди, всего лишь песчинки на карте мироздания. Самый последний престолюдин, и великий хан, покоровший полмира и заставивший правителей дальних стран бледнеть при упоминании его благочестивого имени, – лишь ничтожные фишки в руках Аллаха, передвигаемые по игральному полю судьбы Его всеблагой волей... И как бы ни был горд великий хан, и как бы ни был презренен его последний раб, пред лицом Господа они – равны. И кто знает, кому из них, грозному правителю, или ничтожному рабу, суждено сыграть большую роль в великой игре Аллаха...

Пройдут века, лицо мира переменится до неузнаваемости, и чьё имя станут вспоминать правоверные с большей охотой, – великого хана Джанибека, огнём и мечом прошедшего по земле, или меня, презренного писаря, не совершившего за всю свою жизнь ни одного поступка, достойного уважения? Или время сотрёт из людской памяти и подвиги хана Джанибека, и мой ничтожный труд? Да, скорее всего, будет именно так... Что же, да свершится воля Господня, какова бы она ни была...

Я, Махмуд бин Джамаль, вот уже пять долгих лет состою походным летописцем при Абдаллахе, сотнике великого хана Джанибека, да продлит Аллах его благочестивое правление... За эти годы мне столько довелось увидеть и услышать, что и ста овец не хватит для выделки гладкой кожи, потребной, чтобы записать всё, чему я был свидетелем, вольным, или невольным... Не раз и не два за эти годы хотелось мне записать некоторые истории, потрясшие меня до глубины души... Но всякий раз у меня находились какие-то неотложные дела, и из-под моего пера выходило очередное донесение, или перепись происшедших за день важных событий для архива сотника.

И вот теперь, похоже, пришел день, когда я должен записать некоторые из своих воспоминаний, свои крамольные мысли. Если я не сделаю этого сейчас, то уже не сделаю никогда, так как чувствую, что конец мой близок...

Даже суровый Абдаллах не сможет мне теперь помешать, ибо он сам держит уже ответ перед Господом... Господь призвал к себе всех, и наш лагерь обезлюдел... Десятки храбрых и выносливых бойцов закончили в эти дни свой земной путь, а те немногие, что пока задержались, вскоре последуют за ними... Разве думали они когда-то, что им суждено кончить свои дни вот так, не на поле брани, не от стрел и мечей врага, а от болезни, победившей наш отряд быстрее и надёжнее, чем могли мечтать наши враги?

Ну что ж, значит, такова воля Аллаха...

Когда мой великий предок Чингисхан повёл свой кочевой народ через бескрайние степи и вековые леса, через высокие горы, смертоносные болота и быстрые реки с чистой водой, Господь взирал на его деяния с удовлетворением, ибо, несмотря на свою жестокость и язычество, великий хан был чист помыслами.

Чингисхан прошел через земли многих народов, и все народы покорились ему. Он принёс новый порядок и заставил людей жить по-новому.

Конечно, такое дело не могло обойтись без жертв, и жертвы воистину были велики. Но, в конечном счёте, Чингисхан предотвратил гораздо большие жертвы, ибо он принёс мир народам, веками погруженным в постоянные распри и братоубийственную войну. Подчинив и объединив непримиримых прежде врагов, усадив за один дастархан князей, которые до того не сказали друг другу ни одного доброго слова, великий хан совершил подвиг, равного которому не было прежде, да, возможно, не будет уже и в будущем. Эллинский император Александр, прозванный великим, не приблизился к Чингисхану и на сто полётов стрелы, так как он объединил лишь несколько империй, и то всего на несколько лет...

А после смерти Чингисхана его внук, Бату-хан, продолжил дело деда, и превратил доставшиеся ему земли в процветающее государство Улус Джучи, простирающееся дальше, чем может объять мысль простолюдина...

В ту пору Господь не простёр ещё над Улусом Джучи благословения истинной веры. Но прошло совсем немного времени, и молодой хан Берке, вразумлённый Аллахом, испил сам из живительного источника подлинного знания, и помог обратиться к нему своим приближенным.

Много сделал хан Берке для своего народа, но ещё больше сделал хан Узбек, взявший себе мусульманское имя Мухаммад. Славный Мухаммад возвысил учёных, приблизил к себе многих образованных людей, выстроил немало величавых мечетей и медресе. Сарай, столица Улуса Джучи, украсилась минаретами и дворцами, расцвела торговля, народ начал богатеть. Возможно, проживи хан Узбек ещё лет тридцать, и на нашей земле наступил бы рай... Но на смену ему пришел его сын, хан Джанибек. Великий Джанибек-хан, да продлит Господь срок его благочестивого правления, нисколько не уступает своему достойному отцу, мир его праху. Джанибек-хан так же строит мечети и медресе, так же привечает учёных и способствует обогащению народа. При Джанибек-хане так же процветает торговля, так же крепка армия, и так же исправно собираются налоги...

Как же так вышло, что я, ничтожный писарь и летописец, пишу эти строки посреди лагеря, опустошенного смертью? Верно, мы прогневали Господа какими-то своими поступками... Да, несомненно... Странно только, что Господь ждал так долго... Ведь на любую вещь можно посмотреть с нескольких сторон, так же, как у любой палки есть не менее двух концов... И когда мы смотрим на Улус Джучи с одной стороны, мы видим счастливый народ, мудрых правителей и военачальников, богатые города и расцвет наук, купцов с товарами со всего света и новые города, тьмы покорённых народов, процветающих в мире и исправно пополняющих нашу казну налогами...

Но если мы заглянем с другой стороны, то ужаснёмся совсем иной картине... Среди чиновников процветает мздоимство, и сколько бы ни было срублено бесстыжих голов и отсечено нечистых рук, на смену наказанным встают новые мздоимцы... Аристократия делит доходные должности не в соответствии с заслугами того или иного человека или из соображе-

ний пользы для государства, а в своих собственных клановых интересах, не останавливаясь ни перед чем... И даже будущие великие ханы в борьбе за престол, не моргнув глазом, пускают в ход нож или яд, хотя бы и против отца или брата...

А потом, в результате своего вероломства, презренные отце- или братоубийцы становятся «оплотами справедливости» и «защитниками правосудия»... О какой справедливости можно говорить, и на какое правосудие надеяться нам, слабым и ничтожным?

Всё это не является тайной, и всякий, кто желает видеть, знает правдивость каждого моего слова... Но людям легче не замечать тлена и позора, чтобы не затуманивать своего разума излишними размышлениями...

То же, что происходит в вассальных землях, известно далеко не каждому, но оно не становится от этого менее страшным или менее постыдным.

Мне довелось лицезреть подлинную жизнь покорённых народов, и она меня ужаснула.

Наш обыватель думает, что все эти жители славянских улусов благословляют наше правление, прекратившее их межусобицу и положившее начало справедливому процветанию... Как же он ошибается! Славянские города и сёла из года в год нищают. Даже в больших городах больше не строят каменных домов и церквей, здешние ярмарки и базары производят печальное зрелище своей бедностью, ремёсла приходят в совершенный упадок... Торговля происходит почти без участия медных и серебряных денег, так как в здешних краях их просто нет в достаточном количестве. Вместо денег торговцы пользуются звериными шкурками, специальными бусами и иногда мелкими обломками сасанидских и других старых арабских дирхемов, оставшихся с тех пор, когда арабские купцы были частыми гостями в здешней глуши. Откуда местные жители берут достаточно серебра, чтобы заплатить ежегодный налог своим князьям, или ясак нашим баскакам, остаётся выше моего понимания. Здешние князья также совершенно глухи к нуждам своих народов. Достаточно сказать, что первая перепись населения славянских улусов была произведена с соизволения великого Бату-хана для нужд расчёта налогов, а до той поры это никому не приходило в голову... Русские князья заботятся только о том, чтобы в своё время получить ярлык, а жизнь своего народа их не интересует. На самом деле, в землях, напрямую принадлежащих джучидским князьям, там, где сбором налога занимаются наши баскаки, жестокостей творится вряд ли больше, чем в улусах русских князей, где налог собирают княжеские люди...

Сами же местные жители награждены Господом упрямством невообразимым, которое часто приводит к ненужной жестокости как со стороны их собственных князей, так и со стороны нашей армии.

Прошлым летом возле Звен-города отряд Абдаллаха забил насмерть жителей целого села, принадлежащего к имению джучидского князя Ходжи-бека: все они отказались платить ясак. Когда баскаки стали ходить по домам, то нашли дома, стойла и овины пустыми: жители, узнав о приближении сборщиков налогов, укрыли своё имущество и скот где-то в потаённом месте... Ко всем требованиям и увещаниям сельчане остались глухи, и тогда Абдаллах разгневался, и приказал бить всех мужчин батогами, пока они не отдадут положенную меру серебра. Били их долго, да так и забили всех до одного.

После этого взяли их жен и дочерей, которых отыскивали в соседнем лесу, и отправили с караваном в Азак, чтобы продать на невольничьем рынке и передать выручку в казну.

И этот случай не был единичным. Такое случается каждый год. Вот и теперь, на прошлой неделе, произошло то же самое. Я как раз писал еженедельное донесение в Сарай, которое должно было быть отправлено вместе с сумой собранного серебра, когда в мой шатёр вошел лучник Тенгиз и сказал, что Абдаллах требует моего присутствия. Я сразу понял, что что-то случилось, так как одной из моих обязанностей было описывать обстоятельства наказаний и казней.

Так и вышло. Оказалось, что жители трёх домов отказались платить ясак, объяснив, что они не смогли выменять нужное количество серебра, что их скот болел, а поля не уродили. Они пообещали отдать всё сполна на будущий год. Но когда баскаки посмотрели прошлогодние сказки, оказалось, что и год назад было точно так же, и один раз отсрочка уже была дана. Две отсрочки подряд давать было нельзя, за такое баскаков ждало бы жестокое наказание.

Тогда одного из хозяев привязали вниз головой к колодезному журавлю, и начали макать его в колодец, каждый раз предлагая ему заплатить налог. Через некоторое время несчастный попросил освободить его, и пообещал расплатиться сполна. Но отвязать его не успели: под весом тела разогнулось железное кольцо, и слеза с привязанным человеком упала в колодец. Один из его сыновей сразу же полез следом, зацепил слезу верёвкой, но, когда отца вытащили из колодца, он уже захлебнулся.

Увидев это, второй сын утопленника обезумел, схватил топор и кинулся на ближайшего воина, и непременно зарубил бы его, если бы другой воин не сразил нападавшего копьём... После этого пришлось казнить всех остальных родственников бунтовщика по мужской линии, в соответствии с ханским предписанием.

Когда это было сделано, мы прошли в соседний дом, совершенно нищего вида. В доме оказалась одна лишь древняя старуха, которая начала что-то выкрикивать низким, надтреснутым голосом. Я приказал толмачу перевести мне её речь, но он не смог, сказав лишь, что не знает этого языка. Старуха между тем достала откуда-то дымящийся пучок сухой травы, и принялась им размахивать, так, чтобы вонючий дым шел на нас. Воин, стоявший к старухе ближе всего, закашлялся, выхватил из ножен саблю, и ударил её саблей плашмя по лицу. Старуха пошатнулась, выронила дымящийся пук, и попыталась ухватиться за стол, но только смахнула с него закопчённую глиняную чашку, и рухнула на пол. Чашка упала со стола и разбилась, а находившаяся в ней жидкость забрызгала всё вокруг, и вдруг вспыхнула, попав на тлеющую траву. Голубое пламя взвилось чуть не до потолка, охватив и копошащуюся на полу старуху, и воина с обнаженной саблей в руке, и одного из баскаков, старуха страшно закричала, и ноги сами понесли меня к выходу... Толмач выскочил следом.

Я спросил толмача, не понял ли он, что кричала старуха, и он ответил: «что мы все умрём».

И вот, не прошло с тех пор и недели, а пророчество старой колдуньи исполнилось.

Мы все слышали о чуме, которая уже много лет вспыхивает то там, то тут. Но те, кто видел своими глазами чумные знаки, говорили, что болезнь, поразившая наш отряд, – не чума. Но, чума это, или нет, – а исход её столь же смертелен, и течение столь же быстротечно, как если бы это была чума.

Действительно ли эта болезнь наслана на нас сгоревшей старухой, или это просто кара Господня, ниспосланная нам за наши прегрешения? Нет сомнений в том, что без вмешательства Всевышнего тут не обошлось, а сделал Он это сам, или избрал своим орудием сумасшедшую старуху, уже не важно.

Итак, я записал то, что хотел. Я выразил то, что мучило меня последние годы, и близкая кончина более не пугает меня. Я знаю, куда нужно положить свиток, чтобы он непременно попался на глаза тем, кто найдёт наш лагерь. Те, кто прочтут эти строки, обязательно поймут их значение и передадут свиток одному из визирей, или, быть может, даже самому великому хану, да продлит Господь его правосудное правление... И жизнь в государстве изменится к лучшему.

Свернув свиток, я вложил его внутрь специального кожаного футляра для важных донесений, и запечатал своей личной печатью. Осталось только поместить его в нужное место, туда, где он точно попадётся на глаза.

Я поднялся из-за походного стола, и едва не упал – кровь жарким потоком прилила к голове, всё закружилось перед очами, и я с трудом удержался на ногах. Взяв футляр со свитком, я отправился в шатёр Абдаллаха. Дорога была недалеко, но длилась вечность... Несколько раз я был принуждён останавливаться, чтобы перевести дух. Со стороны реки дул ветер, но даже он не дарил мне живительной прохлады, а лишь вызывал жестокий озноб...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.